

УДК 821.112

Д.Е. ТИЯН

(diana.tiyan@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ
ИНАКОВОСТИ МЕДЕИ В РОМАНЕ К. ВОЛЬФ***

Рассматриваются формы воплощения образа Медеи как «иной»/«другой» в постмодернистском романе К. Вольф, анализируются особенности повествовательной структуры, строящейся на сочетании точек зрения персонажей, выражающих свое отношение к инаковости главной героини.

Ключевые слова: эмоциональность, иной, другой, миф, интерпретация.

В XX в. в науке концептуализируется понятие «иной», терминологически близкими которому оказываются понятия «чужой»/«другой». Внимание к Другому является важнейшим аспектом современного постмодернистского мышления, где подчеркивается многоголосие культурных миров. Литература также меняет свое отношение к Иному. «Иной» понимается в значении «не такой, как я», не похожий, но доступный для понимания, познания, не тот, кого необходимо уничтожить, а тот, кого нужно познать. Важным аспектом этой проблемы становится осмысление женщины как Другого. Вновь возросший интерес к исследованию «другости»/«инаковости» женщины связан с развитием феминистских и гендерных исследований.

Иной в контексте нашего исследования – это человек, субъективность которого может состоять из нескольких типов и/или постоянно видоизменяться, который осознает и принимает множественную реальность.

Немецкая писательница Криста Вольф обращается к мифологическим образам, которые изначально противоречивы. Ее роман «Медея. Голоса» написан в форме чередующихся монологов героев. Шесть «голосов», сменяя друг друга, разноаспектно выявляют суть происходящих событий с разной степенью эмоциональности. Известно, что Медея в древнегреческой мифологии – волшебница, дочь Колхидского царя Эета и океаниды Идии, внучка Гелиоса. На сегодняшний день существует две версии концовки мифа об аргонавтах. Более ранняя версия гласит, что детей Медеи убили коринфяне. Более позднюю версию мы знаем из трагедий Еврипида и Сенеки, когда Медея убивает своих детей сама. Криста Вольф решает интерпретировать первоначальную версию.

Обращение Вольф к мифологическим образам – это одна из граней ее писательской индивидуальности, связанная со стремлением определить место женщины в современном мире. Писательница говорила в своем интервью с журналистами в Бонне 23 февраля 1997 года: «Медея» – история женщины в мужском мире: то, что делает из нее мир мужчин. Для самой писательницы – это «попытка извлечь чью-то фигуру из ее времени, понять ее, вылущить, бросив при этом и вполне критический взгляд на ступени, которые она уже прошла в творении великих поэтов» [2, с. 183].

К главной героине каждый герой романа относится по-разному. Она способна разжечь в людях самые различные эмоции: любовь, ненависть, страх, зависть. Но самым сильным противником для Медеи является весь город Коринф. Для жителей Коринфа Медея иная: «Коринфяне говорят: всякая женщина, если она пробует жить своим умом, уже необузданная» [3, с. 137]. Ей чужды стандарты, которые царят в Коринфе: «Коринфяне все так думают, для этих беззаветная женская любовь к мужчине все заранее объясняет и оправдывает» [Там же, с. 143]. Объяснение мы находим в словах Леукона: по-другому она просто не умеет. «Уверенность в себе, которая от нее исходит, большинство коринфян успели уже прозвать высокомерием и ненавидят ее за это <...> колхидки делают здесь самую черную работу, а ходят

* Работа выполнена под руководством Сысоевой Юлии Николаевны, кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

с высоко поднятой головой, словно жены наших высших придворных, и, что самое поразительное, иначе ходить они просто не умеют» [3, с. 238].

Первую характеристику Медеи дает Ясон. Не случайно автор вводит голос самого близкого человека волшебницы в Коринфе – ее возлюбленного. Но не поддержку мы встречаем в его словах, а слабохарактерность и страх за себя. Ясон любит власть, это становится ясно из его рассказа о золотом руне. И когда стоял выбор – остаться в Коринфе одному или уйти вместе с любимой, то вторая «мысль даже в голову бы не пришла» [Там же, с. 161]. Моральное падение героя окончательно проявляется в том, что он не говорит о мальчиках как о своих сыновьях. И это сразу же замечает Медея: «Ради вас, – говорил он мне. – Ради тебя и детей. Чтобы тебя здесь оставили». Так уже и говорил – «ради вас», себя к нам не причислял [Там же, с. 201], – что подтверждает мнение Креонта о Ясоне: «Да ты-то давно наш, Ясон, этого только слепец не заметит» [Там же, с. 166].

Не встал Ясон на защиту Медеи и на суде: «Никому не было бы ни малейшей пользы, вздумай я на совете распинаться и ее защищать» [Там же, с. 266]. Но ни трусость, ни малодушие Ясона не вызывают отвращения в сердце Медеи, а, наоборот, ей жаль его. И это последние ее слова ему. Именно потому, что она лучше других видела его слабости, знала его жажду денег и власти, а главное, была не такой как остальные женщины, которых можно силой заставить замолчать, Ясон и ненавидел ее: «Это уж слишком. Такое я не должен выслушивать. Ведь я мог и иначе. Дать выход своей ярости. Встряхнуть хорошенько, притиснуть к стене. Чтобы знала: никому не дозволено безнаказанно оскорблять Ясона. <...> Женщин надо брать. Обламывать. Только так, силой, из самых недр, мы и извлекаем то, что пожаловано нам природой, – нашу всепоглощающую усладу. Ни взгляда, ни слова больше. Я ушел. Больше я ее не видел» [Там же, с. 271]. Медея сама это понимает: «Женщину, которая видела мужчину в миг слабости, в Коринфе так просто не прощают» [Там же, с. 145]. Не простил и Ясон.

Следующий голос – Агамеда, бывшая ученица Медеи, дочь ее подруги. Во время учения Агамеды Медея держалась с ней строже, чем с остальными, даже на отдалении, «дабы никто не мог сказать, будто дочь ее подруги у нее на особом положении». В тот же миг ученица ее возненавидела. Девушкой движет чувство зависти, жажда роскоши, золота. Она хочет вопреки словам Медеи «иметь все сразу». Нежелание «прозябать в ничтожестве» – главная цель девушки. Волшебница останавливала ее порывы: «Ты будешь хорошей целительницей, Агамеда, если научишься знать свое место» [Там же, с. 175].

Слова Лиссы (кормилицы Медеи) о том, что Агамеда «всегда норовила видеть в людях, а особенно в себе самой, только то, что мне нужно, а главное, удобно и выгодно» [Там же, с. 176], только больше раздражали девушку и подогревали закипающую ненависть к Медее, т. к. вопреки истине, она видела, что Медея окружена сплошными почитателями и никого больше к себе не допускает. В девушке говорила горечь и обида с детства. Но снова вместо ожидаемой злобы со стороны Медеи, мы видим ее желание откровенно поговорить с Агамедой, узнать, почему она такая несчастная.

Двойственное отношение к Медее у Акама, первого астронома царя Креонта. Ему нравилось говорить с ней, Акам понимал, что она особенная, не такая, как все в Коринфе, поэтому Медея стала поверенной его секретов. Медея была первой женщиной, распознавшей музыку сфер одновременно с Акамом. Его поразила эта близость их душ. Он до последнего не хотел ее изгнания. Зная каждую ступень «ее безудержного падения в пропасть», Акаму «тошно при мысли о том, что станет с Медеей» [Там же, с. 214]. Однако чувство власти оказалось сильнее гуманного. Давно забытая история с Ифиной, которую начала ворошить Медея, ставила под сомнение карьеру Акама. Он понимал, что если встанет на защиту Медеи, то эта же «лавина» погребет и его вместе с нею. Он же «один из первых, кто понял, что надо ее устроить» [Там же, с. 215]. Медея честна и открыто произносит истину вслух. Этого не терпит Акам, не терпит и весь Коринф.

Глаука, некогда «питавшая к Медее нервическое обожание» [Там же, с. 206], в последствии не называет ее имени, а рассказывает как об «этой женщине», пытаясь полностью искоренить воспоминания о ней из своей головы. Медея, единственная кто хочет открыть правду Глауке о ее сестре Ифино: «Ты столько лет, – сказала она мне, – пыталась соединить несоединимое, от этого и боле-

ла» [Там же, с. 226]. Но девушка боится знать истину, ей легче поверить в то, что она сама все выдумала, что «эта женщина» с помощью своих настоев и трав внушила ей страшные картины.

Глаука слишком доверилась Медее и не может себе этого простить. Волшебница подарила ей надежду на выздоровление от эпилептических припадков, смогла избавить ее от комплексов, была с ней в сложные минуты, стала ей тем, кем не смогла стать родные мать и отец – близким другом. Глаука сама говорит об этом времени: «Это были дни, исполненные надежды, пока она меня не бросила, не оставила в беде, как покинула когда-то мама, никогда, никогда не надо было со мной так поступать. Ненавижу ее» [3, с. 227].

Леукон – второй астроном царя Креонта, предугадывает дальнейшую судьбу волшебницы двумя словами: «Медее обречена» [Там же, с. 233]. Он единственный из всех жителей Коринфа, который дружелюбно относился к Медее: «Я сам себе удивляюсь, никогда прежде имя женщины не имело в моей жизни особого значения» [Там же, с. 233]. Но он понимал, что Медее выпало раскрыть правду, которая определяет всю их коринфскую жизнь, и в защите ее он бессилен [Там же, с. 242]. Во втором своем монологе Леукон скажет: «Любой может убедиться – мы правильно истолковали волю богов, когда изгнали колдунью из города. “Мы” – говорю я и почти не пугаюсь. Мы, коринфяне. Мы, справедливые. И я тоже пальцем не пошевелил, чтобы ее спасти. Я же коринфянин» [Там же, с. 273].

Из отношения каждого героя к Медее мы делаем вывод, что инаковость не только отталкивает, но и притягивает, привлекает. Криста Вольф рисует образ новой женщины, меняет ее положение в обществе. Писательница в литературоведческом эссе отмечает, что ей «стало совершенно ясно, что история патриархата преобразила мифологическую историю, женщину, что патриархат изменил мифологию, должен был изменить ее. Например, в отношении Кассандры, женщины, которой никто не верит. Еще больше преобразована Медее. “Варварка” – это было нечто, это есть нечто, чего патриархат не выносит – с полным на то основанием» [2, с. 181].

Авторская интерпретация становления личности Иного заключается в создании особой эмоциональной характеристики героя, а именно инаковости, а также максимально сложной среды окружения Иного.

Писательница показывает женщину в двух аспектах: Медее-детоубийца, враг народа, и Медее-человек, борющаяся за права личности. Медее страдает от клеветы коринфян за то, что она ставит их «перед решениями, до которых они не доросли, но одна необходимость которых разрывает душу надвое, оставляя после себя чувство поражения и вины» [3, с. 273]. Коринфяне, которые все свои несчастья и горести готовы выместить на бедной волшебнице, не понимают, что они жалки и беспомощны: «Люди, лучше будут думать, что их околдовали, чем согласятся признать, что сами, по доброй воле, от обыкновенной голодухи, жрали сорную траву и даже внутренности нечистых животных» [Там же, с. 158]. Коринфянам важно знать, что они живут в «самой распрекрасной стране на белом свете», эту пелену с глаз способна снять Медее, «иная» в своих убеждениях и мыслях, за что и подвергается изгнанию.

Так, инаковость главной героини проявляется и на вербальном, и на предметно-художественном уровнях: в речевых и портретных характеристиках, жестовом поведении, контрастном противопоставлении Медее враждебной ей среде. Используя фрагментарную композицию, строящуюся на чередовании противоречащих друг другу точек зрения персонажей, К. Вольф создает образ новой женщины, готовой бороться за свои права и положение в обществе.

Литература

1. Анненский И.Ф. Трагическая Медее // Театр Еврипида. Т. 1. Л. 1966. С. 205–264.
2. Вольф К. Из беседы с журналистами в Бонне 23 февраля 1997 г. // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 181–183.
3. Вольф К. Кассандра. Медее. Летний этюд / пер. с нем. М.: Изд. «Олимп»; Изд. АСТ, 2001.
4. Вольф К. Миф и образ // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 178–185.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М.: Рос. Энциклопедия, 1994.
6. Млечина И. Предостережь и дажь надежду // Литературное обозрение. 1987. № 3. С. 65.
7. Ярхо В.Н. Миф и политика в древнегреческой трагедии на материале произведений Еврипида // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 209–214.

DIANA TIYAN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**EMOTIONAL ASPECTS OF RECEPTION OF MEDEA'S
OTHERNESS IN CHRISTA WOLF'S NOVEL**

This article deals with forms of the personification of Medea's character as «other»/«alien» in Christa Wolf's postmodern novel. The interpretation of different points of view in the narrative structure allows to observe otherness of the main character.

Key words: emotionality, alien, other, myth, interpretation.